

"Живая Лента" на Чемпионате Балтии - 2013. Подборки, отмеченные членами Жюри Оргкомитета конкурса. Рекомендация Елены Гуляевой.

Майя ШВАРЦМАН, Гент (Бельгия)

ВСЕ СЛОЖИЛОСЬ НЕ ТАК

AL FINE DA CAPO*

□□□ *Сыну*

...Но ты, моя радость, – ты тлена тогда избежишь,
когда не останется больше ни света, ни тени,
когда разойдётся и дым от былых пепелищ,
а память о пепле затопчут следы поколений.

Сказать ли тебе, чтобы правду и явь уличить,
о горькой причине рожденья, о боли зачатья, –
иль скрыть все улики и в космос забросить ключи
сгоревшего дома, а сердце, как дверь, опечатать?

Твоё появление собою зенит моих рифм
отметило высью и, стихосложенья помимо,
словесность в живое творение преобразив,
смягчило и мой приговор, переправив: невинна.

Не ты ль, воплощённая нежность, смешение вер,
религий и рас освятил? И превыше законов
твой лютневый смех, затмевающий музыку сфер,
мерцающий свет молока на щеке твоей сонной.

Тебя ли забыть и бесследно исчезнуть дано
тебе ль, средоточию счастья, в сиянии слёз ли
младенческих или улыбки – и вместе равно
прекрасному?.. нет, ни сейчас, ни когда-нибудь после.

Истоки обид обмелеют, усилья стиха
планету с широт безутешности сдвинут на градус,
прилив обернётся отливом, и время стихать
настанет страстям и утратам, –
но ты, моя радость...

*Музыкальный термин: доиграв до конца, нужно вернуться к началу

* * *

Переводные картинки давнишних лет.
Не угадаешь, что там, из-за бельма
плёнки. Муть, поволока, невнятный штрих

контура, тусклые пятна. Смотришь на свет.
("Мама, можно мне блюдце?" – "Возьми сама.")
Топишь лоскутик. Теперь уже нет таких.

Вот пузырится, всплывает. И вниз лицом
на белизну страницы ложится, но
стой, не спеши, испортишь. Теперь рукой,
медленно. Нет, не идёт. И тогда в слепом
влажном исподе протираешь окно,
катышками снимая бумажный слой.

Вот оно, вот. И ты переводишь дух.
Там расцветает в красках, светясь, блестя,
чудо: картинка, откинувшая вуаль,
бабочка счастья, сбросившая кожу
кокона... Только десять минут спустя
меркнет, тускнеет, гаснет. Как страшно жаль.

...Выцветая, раскрошившись, в какой дали
бедствует это ныне, в какую сушь
через трещины в блюдце и сеть морщин
время ушло с вещами – и надо ли
опись хранить? Рассеянно вездесущ,
всё поглощает воздух одним большим

зевом. Спеши, выхватывай, догоняй,
стихотвореньями на облака ложись,
за миновавшим вздохом лети вослед –
нежным прикосновением, невзначай
с тыла тебя, как бумагу, стирает жизнь.
Остаются слова – теперь таких уже нет.

* * *

Pro memoriam J.B.

Всё сложилось не так, как говорил
заратустра русской словесности: в алебастре
бумаги, в густом частоколе книг,
набранных во времена чернил
и офсетной печати... Осенний ястреб
в небе, картавым горлом издавший крик,

сгинул, а в атмосфере ионы букв,
с губ улетевших с дымом, вроде солохи,

всё ещё держат выдоха суть, озон.
Сердца давно разорвался надутый буф
над рукавом артерий. Для прочих лёгких,
лирикой живших, гибели птичьей звон

приступом отозвался. Удар, разрыв –
путь тормозной зигзагом кардиограммы
в лунной дорожке мечется на воде.
Стих завершился выдохом, потеснив
воздух, толкнулся эхом к живым в мембраны
и по вертикали отвесно ушёл к звезде.

Он превратился в праздношатающуюся мысль,
звуком капнув с пера, хрустнув зерном графита,
астмой паузника рваный вымостив путь,
просто воздухом стал, слов выдохнув смысл,
прежде, как сигаретам, им оборвав фильтры.
И кто-то живой это должен вдохнуть.

Брызгами безотцовщины, сколько их растеклось,
мелких дыханий, по кухням бруклинов, сохо,
боннов, в чужую речь попавших как кур в ошип,
сколько их за стаканов земную ось
держится с дрожью, так и не осилив вдоха,
превозмогая разреженности ушиб.

Что оказалось правдой? Вот разве то,
что удлинение печали, стремясь к пределу,
только раздвинуло пустоту, и вот
жизнь оказалась длинной, и шапито
неба доныне выдох земного тела –
перья, зрачки, коготки, волоски – несёт,

и всё это, – хрип, литания, ругань, треск, –
в воздухе утомительной пантомимой
пляшет, сбившись, давно потеряв маршрут,
а взять их назад отказывается наотрез
голос – беззвучный, неуязвимый.
...В сизых артах каналов, лагун, запруд,

в реках наречий, текущих вбок или вспять,
как говорят, молочных, а честно, мутных, –
там одичавшая речь ловится на блесну,
на языка приманку. Правду сказать,
век русской речи отсчитывается в минутах:
кончившись, стихотворенье идёт ко дну.

На берегах рыбаки стерегут улов:
в водорослях элегий и песнопений,
в судорогах волны, в косяках плотниц
шарят шершавым бреднем, добычей слов
значимых бредя, но ловят всё больше феню,
ил междометий, лузгу, чешую частиц.

Я не рыбаку. Стою, запрокинув лоб,
в небо смотрю: там в вышине мелькают
скобки, остатки перьев, кавычек дрожь,
всё ещё вьющаяся поверх европ,
пыльным столбом вращающаяся стая,
невоскресимого мира родная ложь.

Мне повезло. Многоточий сквозных метель,
выцветших до прозрачности глянца,
кружится и у нас, словно обычный снег,
превращая ландшафт на пару недель
в частный сюжет, в пейзаж малых голландцев
с образами коров, домиков и телег.

Поседевшая рябь, белая пестрота
слов попадает в глаз, размывая фокус,
соль страницу щеки переходит вброд.
Дверь открывая, как книгу, летит с листа
младшее стихотворенье, мой лебединый опус,
ясным воскресным утром санки свои берёт.

Радуюсь холодам, пальцами снег ловя,
щурясь, как будто с солнцем играя в жмурки,
собственных чар не знающая сама,
жизнь обогнать свою норовя,
дочь выбегает на улицу в тёплой куртке
и кричит мне по-русски: «Зима, зима!».

[Страница автора в Клубе Лауреатов](#)

